

Абель ФЕРРАРА: Я фильмы разделяю не по национальности, а по авторам

ИЗВЕСТНЫЙ РЕЖИССЕР
ПОДЕЛИЛСЯ
РАЗМЫШЛЕНИЯМИ
О КИНО, ИНТЕРНЕТЕ
И ДОСТОЕВСКОМ

Абель Феррара ворвался на встречу с публикой стремительно, как пуля из кольта. Хлопнул меня по плечу, как старого знакомого, проходя мимо. Невысокий, крепкий, одетый в толстовку с капюшоном и какой-то не то пиджак, не то пальто — сюртук? — хриплоголосый, то расслабленный, то сосредоточенный и цепкий, Феррара похож на героя криминального триллера, из тех, что так хорошо удаются ему самому. Наблюдать за его рельефным лицом не менее интересно, чем слушать его речь... не речь, речитатив, почти что рэп. — Ну, давайте, спрашивайте меня, — говорит Феррара. — Я вам тут программные заявления не собираюсь толкать. Кто-то будет нам переводить? Ну, давайте, помогите мне! Нам же тут, блин, коммуницировать надо. Кто тут собрался? Студенты киноуниверситета? Любители кино? — И журналисты, — пропищал я.

НИКОГДА НЕ ВЕРЮ ГАЗЕТАМ

— Как вы добываетесь от актеров такой реалистичной игры?

— Работа с актерами — это прежде всего сотрудничество. Работать нужно с людьми, которые с тобой на одной волне, которые чувствуют так же, как ты. Кто с тобой связан на очень личном уровне. И работа над сценарием начинается только после того, как ты находишь нужных актеров, — не наоборот. Для меня нет никакого кастинга — я должен любить актера вне картины. Это могут быть звезды кино типа Кристофера Уокена. Он на экране выглядит всегда страшным психом, но на самом деле жутко обаятельный и милый человек... Или никому не известные люди, которые впервые попали в кадр. Режиссер должен сам понять, кто ему нужен. Видишь интересного человека, тебе с ним хорошо, комфортно общаться — ну так и отлично, бери его, пробуй.

— новом фильме «Добро пожаловать в Нью-Йорк» вы изобразили омерзительного американского политика, которого сыграл Жерар Депардьё. Почему вы взяли за этот сюжет?

— Естественно, за основу я взял эту историю с Домиником Стросс-Каном. Я не собирался снимать документальное кино. Так что это не какое-то исследование реальных фактов. Это мое любопытство. Я увидел заголовок в газете: «Кандидат в президенты Франции арестован за изнасилование горничной в Нью-Йорке». Сперва не поверил: ну вы же понимаете, это газеты... Я им никогда не верю. И задался вопросом: «Что на фиг происходит? Как этот парень оказался в такой ситуации?» Ну и решил снять кино, чтоб разобраться с этим. Про то, что абсолютная власть развращает абсолютно, ну и все такое прочее.

Жерар Депардьё сказал мне, что хочет сняться в этой роли. А я с ним не был зна-

ком, хотя, конечно, знал, что он потрясающий актер. Но когда ты пообщаешься с Жераром десять минут — ты потом готов за ним в огонь и в воду.

Я ЖИТЕЛЬ НЬЮ-ЙОРКА, ДЛЯ МЕНЯ ОСТАЛЬНАЯ АМЕРИКА — ЧУЖАЯ СТРАНА

— Если б вы встретили самого себя в молодости — какой бы дали совет?

— Я бы сказал себе: надо работать, надо искать бабки двадцать четыре часа в день. И думать, кто будет работать над твоим следующим фильмом, о чем он будет... Кроме денег вам нужны еще и идеи. Но тут уж так повелось: у всех киношников всегда навалом идей. А денег нету. Не бывает таких, которые говорят: «У меня до фига денег, но идей совсем нет». Это вон у Стросс-Кана деньги есть.

Теперь сбавить фильм очень просто. Я могу хоть сейчас собрать людей, взять айфон, снять на него фильм и выложить в Интернет, так что весь этот чертов мир его увидит.

Но делать кино — это не просто выкладывать какую-то запись в Интернет. Это — весь процесс, и практические аспекты не менее важны, чем идеи. Монтаж, этим всем тоже надо заниматься. Вот и весь мой совет.

— чем, по-вашему, разница между российской киношколой и американской?

— Да нет никакой разницы. Я фильмы разделяю не по национальности, а по авторам. Их делают индивидуумы. В той же Америке есть Мартин Скорсезе, есть Джим Джармуш — абсолютно разные люди из разных мест, каждый со своим видением, каждый влюблен в кино. Из Москвы, из Нью-Йорка... Я вообще чисто нью-йоркский человек, для меня вся остальная Америка — как чужая страна.

Или из Душанбе вот тут на фестивале

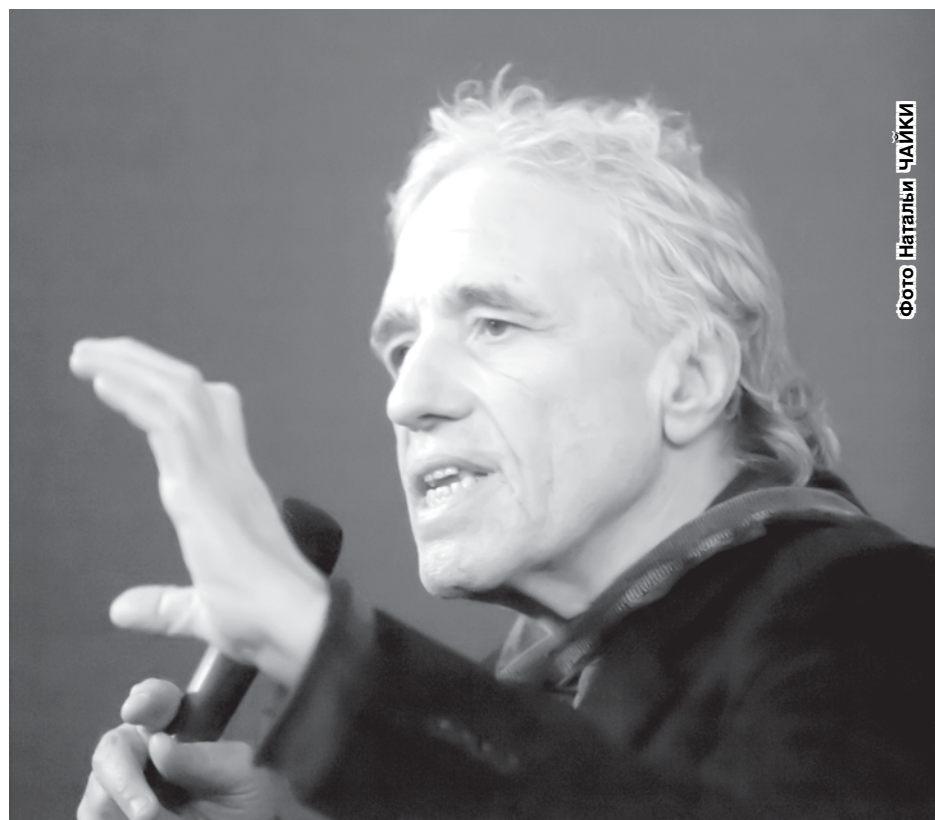

Фото Натальи Чайки

САМЫЕ ИЗВЕСТНЫЕ ФИЛЬМЫ АБЕЛЯ ФЕРРАРЫ

- «Добро пожаловать в Нью-Йорк» (2014)
- «4:44 Последний день на Земле» (2011)
- «Отель «Новая Роза» (1998)
- «Амнезия» (1997)
- «Похороны» (1996)
- «Опасные игры» (1993)
- «Похитители тел» (1993)
- «Плохой лейтенант» (1992)
- «Король Нью-Йорка» (1990)
- «Полиция Майами: Отдел нравов» (сериал, 1984 – 1990).

«Начало» была девушка-режиссер, хороший фильм сняла... Душанбе — это где? Таджикистан? Это ж какая-то бедная страна, нет? И там какие-нибудь войны, наверное, идут?

Нет разницы... Я еще понимаю, когда итальянских режиссеров типа Пазолини, Антониони и других объединяли в какую-то традицию. Но у них была одна и та же аппаратура, одни и те же актеры, одни и те же люди на съемочной площадке, всё общее! А сейчас...

КТО-ТО ПРОДАЕТ НЕФТЬ, А МЫ ПРОДАЕМ МЕЧТЫ

— Кино меняется и глобализируется. По всему миру сейчас смотрят какого-нибудь «Супермена-15». По-вашему, что-то теряется?

— Вот взять переход на цифровое кино. Когда крутили пленку, между кадрами всегда был переход — крошечная темная полоска, вспышка темноты. Если все эти переходы посчитать — получается, что за время просмотра стандартного фильма люди сидели в темноте... десять минут. Десять минут смотрения в чертову темноту. По-моему, это было что-то вроде коллективного сеанса сна. У меня самые потрясающие просмотры фильмов были в таком полусонном состоянии. И я люблю, когда мне говорят: «Я на вашем фильме уснул». Это вроде как комплимент. Спасибо, чувак! А на цифре ничего подобного нет.

Или вот то, что теперь можно смотреть кино на смартфоне. Картинка по размеру примерно такая же, как когда ты сидишь на последнем ряду в кинотеатре. Но когда ты видишь эту картинку на большом экране — ты осознаешь, что даже глаза актера в крупном плане больше тебя. И в эти глаза ты можешь заглянуть, увидеть там душу актера... Важно, конечно, чтоб эта душа там была прежде всего. Важно, чтоб у актера было чистое сердце. Когда крутится пленка, мы видим блеск настоящего, блин, серебра!

— вы вообще верите, что у кино есть будущее? едь продюсеры всё больше боятся и не дают ходу оригинальным лентам. Может ли сейчас появиться что-то новое и по-настоящему независимое?

— Ну, очевидно, раз уж я занимаюсь кино — я в него верю. Никто не говорит, что это просто. Сделать фильм сложно. Надо найти способ убедить людей, что твое кино — гениальное... Идешь к тем, кто может дать деньги, и говоришь прямо с ними. Это трудный бизнес, я не отрицаю. Кто-то продает нефть или бензин. А мы продаем мечты. Это не менее сложно.

САМ НАЧИНАЛ КАК МАРКСИСТ

— До приезда в Россию что вы знали о нашей стране?

— Вы же понимаете, я родился в Америке в 1951-м, рос в маленьком городке в глубинке. Застал холодную войну и все такое. Нас в школе учили прятаться под парту на случай, если Советы сбросят ядерную бомбу... И в эту игру играют с обеих сторон только два процента психов, которые помешались от жажды власти, которые хотят править миром, как герой Депардьё в моем фильме. Вот я слышу, что у вас кто-то хочет Советский Союз снова собрать. Кому это надо? Маркса я знаю, сам начинал как марксист, хотел революцию и все такое...

А нормальные люди и в Америке, и у вас этой ерундой не занимаются. Вообще один прочитанный роман Достоевского отменяет всё, чем тебе промывали мозги в течение 50 лет. А к тому же сейчас есть Интернет, люди могут пообщаться друг с другом и понять, что все хотят просто жить, кормить детей... Поэтому кино тоже очень важно: это возможность понять друга, почувствовать связь между нами. Мы же люди искусства, мы должны этим заниматься.